

УДК 930:001.89+94(581)

В.С. Бойко

МОДЕРНИЗАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В данной статье в свете новейших теоретических подходов и практик, с учетом достижений российской и зарубежной историографии исследуется феномен модернизации в Афганистане в ее классических и радикальных формах в широком хронологическом фокусе XX – начала XXI в. Отмечается, что Афганистан на протяжении длительного времени, но в прерывном режиме, подвергался модернизаторским и реформаторским экспериментам «сверху», однако в условиях раскола пуштунской элиты и роста конкурентных ей этнополитических сил, а также массивного внешнего вмешательства к исходу столетия независимости (1919–2019) оказался в историческом «тупике».

Ключевые слова: Афганистан, модернизация, реформы, пуштунская элита, внешний фактор.

V.S. Boyko

MODERNIZATION IN AFGHANISTAN IN XX – EARLY XXI: HISTORIOGRAPHIC AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE RESEARCH

This paper aims to explore in the light of new theoretical approaches and practices with taking into account accomplishments of Russian and foreign historiography the phenomenon of modernization in Afghanistan in its classical and radical patterns within chronological range of XX – early XXI. It's noticed that Afghanistan for a long time, but with breaks, came through modernist and reformist experiments «from above», but under split of the Pashtun elite and growth of competing ethno-political forces, as well heavy foreign interference found itself in historical deadlock by the end of independence century of 1919–2019.

Key words: Afghanistan, modernization, reforms, Pashtun elite, external factor.

В условиях затяжного конфликта с множественными внутри- и международно-политическими изменениями, происходящими в Афганистане с конца 1970-х гг. и по наши дни, всякие разговоры, а тем более научные дискуссии о прогрессе и модернизации, кажутся бессмысленными, но исторический и даже современный опыт показывает, что и в этом «неудавшемся» государстве был и сохраняется немалый потенциал развития, накапливаются силы для выхода из «тупика». Эти силы зреют как внутри страны, так и в диаспоре, что в сочетании с «белыми пятнами» в историографии проблемы и наличием большого источникового материала архивного и полевого происхождения в самом Афганистане и за его пределами придает особую актуальность избранной теме. Но в данном случае рассматриваются лишь

ее историографические и научно-теоретические аспекты, то есть сама постановка проблемы модернизации применительно к Афганистану, где версия поступательного развития общества и государства, как она трактуется властью и доминирующей элитой, не кажется очевидной. Она подвергается нападкам со стороны политических оппонентов правящего режима и критике – со стороны представителей различных течений и направлений мировой афганистики. Цель данной статьи – характеристика базового понятийного ядра, основных теоретических подходов и массива ключевых специальнотематических работ для анализа модернизации, как проекта, процесса и результата в преломлении к афганскому историческому и современному опыту развития.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований – РФФИ (проект № 15-01-00440).

Ключевым понятием исследования социально-политического и экономического развития Афганистана в XX–начале XXI в. и кодируемым им процессом является модернизация – одним из первых авторов работ на эту тему в афганистике стал американский востоковед В. Григорян, который в 1964 г. в Стэнфордском университете защитил диссертацию «Возникновение современного Афганистана. Политика реформ и модернизации», 1880–1946 гг.», которая через несколько лет была издана в США в виде монографии [1]. Данная работа стала не просто пионерской по своей теме и кругу рассматриваемых проблем и до сих пор не превзойденной по богатству использованных источников – в ней также впервые систематически изложено понимание процессов, связанных с модернизацией Афганистана в широком региональном контексте. Модернизация, по В. Григоряну и другим западным авторам, включает в себя «процесс интеграции и индустриализации экономики страны, расширение ее коммуникаций и торговли, определенное увеличение ее пространственного и человеческого потенциала, улучшение стандартов здоровья и здравоохранения, разрушение коммуналистских и общественных групп и постепенное подчинение старых социальных объединений (семья, деревня или племя) национальному сообществу» [1, р. 2]. В. Григорян подчеркивает двойственный эффект европейского колониализма: стимулируя афганцев к технологическим заимствованиям, он в то же время способствовал их политическому и культурному изоляционизму, в результате экономика развивалась без внешней помощи, что считалось лучшим средством защиты афганской монархии, территориальной целостности и независимости страны. Однако эта же черта определила еще одну зависимость правящего класса – от афганских (пуштунских) племен, что, наряду с зависимостью от «Большой игры» в Азии (англо-русского соперничества), порождало еще один вид оппортунизма элиты, связанный с племенным фактором.

Поскольку исследование модернизации в Афганистане, предпринятое в 1960-е г. В. Григоряном, не вызывало возражений со стороны представителей практически всех научных школ и традиций (включая советскую, а ныне российскую), то и сама эта проблема не вызвала особого энтузиазма в афгановедческой среде – слишком высокими оказались стандарты исследования, заложенные автором-первопроходцем, вскоре занявшимся управленческой карьерой и достигшим на этом поприще небывалых высот! Новейшей по времени, но столь же осно-

вательной и даже превосходящей исследование В. Григоряна по объему, хронологии и тематической широте, как, впрочем, и другим показателям, попыткой анализа истории Афганистана через призму модернизации традиционных обществ стала монография известного казахстанского востоковеда и политолога С.М. Акимбекова с одноименным названием [2].

Разумеется, в такой объемной (около 850 страниц) «Истории Афганистана», охватывающей практически все эпохи прошлого и настоящего этой страны, автор просто не мог избежать компиляции и равномерно исследовать все темы и сюжеты, но все же поражает объем и качество сделанного, в том числе теоретико-методологических соображений. Это в полной мере относится и к проблемам модернизации традиционных обществ, которые С.М. Акимбеков конкретизировал на афганском материале либо эксплицировал их из афганских сюжетов. Он, в частности, выделяет три типа модернизации в Азии: два, характерных для территорий, вошедших в состав Российской и Британской империй, и третий – для формально независимых Ирана и Афганистана, причем Афганистан рассматривает как «частный случай самостоятельного проведения модернизации» с акцентом на усиление центральной власти и укрепление армии как ее основы. Но эти же обстоятельства, а еще больше разница в типах колониальной модернизации, привели к тому, что Афганистан оказался в изоляции и выступил в роли не просто и не только буфера, но и геополитического барьера между азиатскими владениями Великобритании и России. Тезис С.М. Акимбекова об особой маргинальности Афганистана в контексте его шансов на модернизацию при недостатке ресурсов и отсутствии/слабости концепции (стратегии) развития заслуживает всяческого внимания и является определенным вкладом в поиск причин афганского «тупика» конца XX – начала XXI вв. Вынужденный и добровольный изоляционизм афганской стороны породил стратегический, хотя, как оказалось, мало обоснованный, посыл о расширении государственно-политического пространства за счет создания центральноазиатской конфедерации с Афганистаном как ее «системообразующим» центром. Но даже с учетом геополитического провала этого плана в конкуренции с молодой советской Россией афганский опыт зависимого и независимого развития подтверждает правильность вывода авторов

недавней новаторской работы об этнических процессах в центральноазиатских окраинах в период революции 1917 г. о противоречивом влиянии модернизации на данный регион. Они, в частности, пишут: «В переходный период определенная часть традиционного общества Степного края и Туркестана выступала активным реципиентом модернизационных тенденций, интегрировалась в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи... Однако большая часть традиционных социальных групп региона воспринимала модернизацию как форму колониальности, направленную на подавление собственной культурной идентичности, ликвидацию суверенитета, трансформацию потестарно-родственных, клановых социальных связей и отношений» [3, с. 169].

Одной из немногих зарубежных работ, в которой история Афганистана рассматривается с точки зрения концепции модернизации, является глава в коллективной монографии «Модернизация Внутренней Азии», подготовленная Л. Дюпре, хотя этот именитый американский афганист-энциклопедист лишь повторил здесь положения своих предыдущих исследований, особенно не задаваясь вопросом о приемлемости пространственно-политической формулы региона, к которому причислен и Афганистан [3]. Излишне схематично эти же процессы представлены в работе индийского исследователя Б. Банеджа [4], но подобные слабости преодолеваются в новейших публикациях южноазиатских и западных авторов. Например, в статье пакистанского политолога Акаб Малика многократно затрагиваемая тема реформ Аманулла-хана преподносится в теоретически корректном ракурсе, что позволяет автору не только определить причины «аритмии» этого грандиозного проекта и предпринять экскурсы в его предпосылки и последствия [5, р. 35–43].

В российской (а до этого в советской) и зарубежной афганистике и научной литературе более широкого межпредметного содержания немного конкретно-исторических, экономических и других работ, сфокусированных на проблемах модернизации в Афганистане [6], хотя именно с обсуждения темы развития стран Востока в середине 1970-х гг. у отечественных исследователей появилось второе дыхание [7]. Примерно через 10 лет экспериментов лучшие представители тогда еще советской школы востоковедения (Н.А. Симония, Б.А. Ерасов, В.Ф. Ли, В.А. Максименко и др.) переходят на новые методологии и методики научной

работы, в которых все большее место уделяется цивилизационному подходу с его особым вниманием к культуре, религии, языкам, этносам и др. Но пройдет немало лет, прежде чем такие средства начнут применяться в афганистике, в том числе при анализе проблем развития, реформ и модернизации. Характерно, что соответствующие работы появились в постсоветской афганистике уже под влиянием неудач международной коалиции во главе с США в Афганистане, когда конфликт в этой стране и вокруг нее перешел лишь в новую фазу. Интерес к проблематике модернизации проявился с разных возрастных позиций, которые отразили и определенные поколенческие различия в сюжетах, аргументации и пр. Так, представитель молодого поколения российских экспертов Н. Мендкович, уверенно владея историческим материалом, «осовременивает» проблему, утверждая, что «процессы, отождествляемые с модернизацией, традиционно относят к началу 1950-х и связывают с деятельностью Мохаммада Дауда» [8]. Такое утверждение верно, если пренебречь исторической спецификой афганской версии модернизации и игнорировать те новые идеи или проекты, которые удалось сформулировать или даже осуществить (идея парламентской монархии, монополизация отдельных отраслей промышленности и пр. Другой же автор, Г.П. Ежов – патриарх советской и российской афганистики, с конца 1950-х гг., то есть с «эпохи Дауда» принимавший непосредственное участие в советско-афганском сотрудничестве и создании основ современной экономики в Афганистане (планирование, сооружение промышленных объектов и пр.), – начинает отсчет модернизации в этой стране с правления эмира Хабибулла-хана [9]. Эрудиция и аргументация автора убеждают в правоте такого подхода, хотя он кажется излишне комплиментарным в отношении некоторых эпизодов экономического развития Афганистана, в котором он за годы пребывания фактически стал инсайдером.

В обстановке нарастающих неудач международной коалиции во главе с США множатся работы американских и других западных исследователей, в которых предпринимаются попытки понять в ретроспективе и перспективе не только причины прошлых неудач афганских реформаторов (прежде всего провал модернизационного замысла Аманулла-хана), но и нынешних тупиков развития Афганистана под патронажем и контролем Запада. Подыскивается не только историческое оправдание стагнации афганского конфликта, но и подчеркивается непреходящее значение «встречи цивилиза-

ций», то есть внешнего опыта, проникающего вместе с торговлей, образованием, новой культурой и даже с пока малопривычным для Афганистана внешним туризмом. С 2000-х гг. в западной историографии наметилась также «позитивистская» тенденция к оправданию даже ошибок афганских режимов и поискам рациональности в их выборе – такая логика позволяет щадяще отнестись и к провалам западных модернизаторов в Афганистане, по крайней мере, обсуждать альтернативы или коррективы избранного после «выпадения» талибов из власти курса на либерализацию страны. В этом свете бесспорными считаются достижения Запада и конкретно США в Афганистане, начиная с Гильмендского проекта конца 1940-х гг. и кончая нынешними регионально-локальными инициативами на афганском направлении [10, р. 512–537].

В общетеоретическом плане модернизация как концепция и политико-экономический проект к концу XX – началу XXI в. оказалась наиболее востребованной в аналитике и управленческой практике КНР. Именно в недрах этих комплексов сформировался и укрепился научный интерес к модернизации, как глобальному феномену с региональными и национально-страновыми измерениями. Он воплотился в серии ежегодных докладов, подготовленных Центром исследования модернизации и группой исследования стратегий модернизации Китая Китайской академии наук [11]. В этих докладах на основе материала о 131 стране мира китайские исследователи делают вывод, что на отрезке XVIII–XXI вв. известны лишь две стадии модернизации. В рамках первичной модернизации происходит переход от аграрных эры, экономики, общества, цивилизации к индустриальным, а вторичной – переход от индустриальных к эре, экономике, обществу и цивилизации знаний, а также от материальной цивилизации – к экологической. По ходу своей концептуальной «стройки» китайские авторы определяют результат первичной модернизации: формирование и распространение индустриализации и урбанизации, демократизации, бюрократизации, рационализации, секуляризации и других черт [11, с. 240], более присущих современному, чем традиционному обществу. Но применимы ли эти критерии к Афганистану, кроме предположения, что эта страна проделала только первые, исторически разорванные шаги по пути модернизации? Видимо, да, хотя в китайских общественных науках и прикладной аналитике пока не утвердились направления с мусульманским зарубежьем (включая Афганистан), при том, что

культурно близкий Синьцзян-Уйгурский район самого Китая подвергается тщательному изучению и мониторингу. Как бы то ни было, современные китайские эксперты по модернизации – лидеры и до известной степени сегодняшние законодатели моды этого направления – фактически игнорируют соответствующий афганский исторический опыт, но при этом включают нынешний Афганистан в свои масштабные проекты евразийской интеграции («Один пояс, один путь»), императивно предполагающие модернизацию общества и государства. «Китай надеется, что Афганистан будет играть активную роль в строительстве экономической полосы Шелкового пути и вносить соответствующий вклад в экономическое развитие и процветание региона» [12, с. 4].

В постсоветской российской науке тоже не прекращаются поиски путей развития, но больше самой России, и гораздо меньше работ, посвященных модернизации стран Востока. В этой связи заслуживает особого внимания обзорный учебно-научный труд ведущего исследователя проблем Юго-Восточной Азии и крупного организатора учебно-научной деятельности Д.В. Мосякова «Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ» [13]. В этом необычном проблемно-тематическом учебнике рассматривается феномен модернизации на Востоке на примере исторической реконструкции национальных сообществ и государств в Японии, Китае, Корее, Индии, Турции, Иране и странах ЮВА, с фокусом на современном этапе трансформации и конкретно на проекте модернизации и его последствиях для азиатского макрорегиона. И хотя автор не касается афганской версии модернизации, его размышления о различных аспектах этого явления (историческая грань, парадоксы, цена, ключевые проблемы и задачи реформаторов) и конкурирующих вариантах модернизации стран Востока в XX в. вполне экстраполируются на Афганистан.

По мнению Д.В. Мосякова, «рубежом, с которого собственно и начинается реальная модернизация на Востоке, следует рассматривать тот момент, когда вместо дискуссий и обсуждений в правящих элитах восточных стран начинается реальная политическая борьба за воплощение реформ в жизнь» [13, с. 14–15]. Эта борьба выражается в расколе элит по вопросам идеологического и политического выбора, самого механизма проведения экономических и политических реформ.

Поскольку в работе Д.В. Мосякова множество страновых кейсов модернизации, ее методика

не может быть заимствована в полной мере, но все же положения о многовариантности модернизации, ее нелинейности и неуниверсальности, синтезе старого и нового, контрмодернизации, исламизации и пр. существенно расширяют методологический арсенал и проблемно-тематический диапазон исследований со сходными сюжетами. Далее, рассматривая конкурирующие варианты модернизации стран Востока в XX в., автор упоминает о «важной развилке» в этом процессе – двигаться в рамках либеральной модели или перейти к «очень привлекательной и намного более радикальной – социалистической модели» [13, с. 26]. Но в случае с Афганистаном социалистическая альтернатива возникала лишь в нескольких эпизодах, да и то больше в политико-пропагандистских версиях (леворадикальные кружки 1919–1921 гг. в российско-афганском приграничье и Герате, Народно-демократическая партия в 1965–1990 гг., отдельные социалистические лозунги и решения режима М. Дауда в 1973–1978 гг., леворадикальный режим с репрессивно-диктаторской практикой Х. Амина в 1979 г.), что объяснялось ее непопулярностью даже в оппозиционных кругах, не говоря же о массе рядового населения, настроенной традиционалистски и подозрительно даже к соседям

вроде России/СССР. Но ретроспективный взгляд на историю модернизации в Афганистане показывает, что наиболее рациональные усилия и добрососедские намерения российской (советской) и афганской сторон не прошли даром – они, так или иначе, отложились и в реальной экономике даже в ее нынешнем имитационном состоянии, и в сознании людей, в особенности тех, кто может сравнить ход и результаты различных типов модернизаций. В основном это поколения 1970–2000-х гг., пережившие катаклизмы поздней эпохи М. Дауда и серию государственных переворотов последующего периода и все еще переживающие «большой» конфликт. Его продолжение – не следствие увлечения отдельными афганскими прогрессистами или авантюристами стратегией «идеального» и практикой реального социализма, а результат глубоких противоречий, накопившихся в афганском обществе и элите за более чем столетие суверенного развития, усугубленных многосторонним внешним вмешательством, в том числе двумя – советской в 1979–1989 гг. и преимущественно западной – с 2001 г. по настоящий момент – интервенциями. Но даже в афганском случае была и остается перспектива развития, в том числе по стандартам модернизации в ее условном и самом современном понимании.

Библиографический список

1. Gregorian, V. The Emergence of Modern Afghanistan. Politics of Reform and Modernization, 1880–1946 / V. Gregorian. – Stanford, 1969. – 586 p.
2. Акимбеков, С. М. История Афганистана / С. М. Акимбеков. – Астана ; Алматы, 2015. – 848 с.
3. Этнические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. – Барнаул : АГУ, 2017.
4. Bhaneja, B. Afghanistan. Political Modernization of a Mountain Kingdom. Spectra Publications / B. Bhaneja. – New Delhi, 1973.
5. Aqab, Malik. The modernisation process in Afghanistan – a retrospective / Aqab Malik // Strategic Studies. – Vol. XXXI & XXXII, Winter 2011 & Spring 2012. – Number 4 & 1.
6. Poullada, Leon B. Reform and rebellion in Afghanistan, 1919–1929. King Amanullah's failure to modernize a tribal society. Cornell University Press / Leon B. Poullada. – Ithaca and London, 1973. – 318 p.
7. Симония, Н. А. Страны Востока: пути развития / Н. А. Симония. – Москва, 1975.
8. Мендкович, Н. История модернизации Афганистана, часть 1 [Электронный ресурс] / Н. Мендкович. – Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/10971.html>, свободный.
9. Ежов, Г. П. История модернизации Афганистана (начало XX в.) [Электронный ресурс] / Г. П. Ежов. – Режим доступа: <http://www.afghanistan.ru/doc/14302.html>, свободный.
10. Cullather, N. Dammning Afghanistan. Modernization in a Buffer State / N. Cullather // The Journal of American History. – Vol. 89, № 2, History and September 11: A Special Issue (Sep. 2002).
11. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – Москва : Изд-во «Весь мир», 2011. – 256 с.
12. Дэн, Сицзюнь. Укреплять дух Шелкового пути, вместе строить Великий шелковый путь / Дэн Сицзюнь // Китай. – 2014. – № 7.
13. Мосяков, Д. В. Новая и Новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ / Д. В. Мосяков. – Москва : Институт стран Востока, 2017. – 560 с.